

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.31>

ЖАРГОНИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО

Научная статья

Каблуков В.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-5455-2236;

¹ Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (val.kablukov[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается специфика функционирования жаргонизмов в прозе и лирике Юрия Домбровского. В результате анализа делается вывод, что жаргонизмы по-разному, в зависимости от рода литературы, маркируют художественное пространство и время произведений. В модели мира прозаических произведений и в ряде стихотворений Домбровского, в которых действие происходит в советское время, социальная жизнь делится на реальность лагеря и реальность вне его, персонажи либо уже вернулись из мест заключения, либо в перспективе их ожидает срок. При этом сюжетно-композиционное столкновение двух миров, как и прямое изображение лагеря, мы встречаем только в стихах писателя. В общем тексте произведений Домбровского жаргонизмы формируют языковую модель мира, в которой рвутся синтаксические связи, происходит номинация предметов и явлений. Это позволяет говорить о мифологическом сознании автора, в котором происходит актуализация древних дописьменных форм творчества.

Ключевые слова: языковая картина мира, лагерная проза, модель мира, жаргонизмы.

JARGONISMS IN YURI DOMBROVSKY'S LINGUISTIC WORLDVIEW

Research article

Kablukov V.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-5455-2236;

¹ MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (val.kablukov[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the specifics of the functioning of jargonisms in the prose and lyrics of Yuri Dombrovsky. The analysis concludes that jargonisms mark the artistic space and time of works in different ways, depending on the type of literature. In the world model of prose works and in a number of Dombrovsky's poems, which are set in Soviet times, the social life is divided into the reality of the prison camp and the reality outside it, the characters have either already returned from prison, or are waiting for their imprisonment in the future. However, the narrative and compositional collision of the two worlds, as well as the direct depiction of the prison camp, is to be found only in the writer's poems. In the general text of Dombrovsky's works, jargonisms form a linguistic world model, in which syntactic links are severed and objects and phenomena are nominated. This allows to speak about the mythological consciousness of the author, in which the ancient pre-written forms of creation are actualized.

Keywords: linguistic worldview, prison camp prose, world model, jargonisms.

Введение

Тематическое направление «Лагерная проза» в русской литературе конца 1950-х – 90-х годов представлено авторитетно, многогранно и объемно. Исследователи включают в список писателей, творчество которых создает художественный образ лагеря, Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Евгению Гинзбург, Анатолия Жигулина, Евфросинию Керсновскую, Сергея Максимова, Бориса Ширяева, Сергея Довлатова [1], [3], [9], [10]. Перечень можно продолжить, но для нас важно сейчас отметить, что Юрий Домбровский входит в него не всегда. Показательно в этом отношении замечание С.Бойко: «Тюремно-лагерная проблематика для Домбровского не самоцель (Домбровский писал не только о лагерях, он видел себя писателем и помимо этой задачи, вне связи с нею), а элемент художественного целого» [2, С. 67]. Более чем справедливо сказано о писателе, у которого нет ни одного прозаического произведения, действие которого происходит в лагере, а лагерь при этом существуют в его текстах как элемент художественной модели мира.

Основные результаты

Очевидно, что прошедший через четыре ареста и девять лет лагерей Ю. Домбровский имел глубинные знания о лагерной жизни. Этот опыт проявляется и во владении тюремным жаргоном как особым способом оформления картины мира. Отсутствие жаргонизмов в речи главного героя и повествовательной части «Факультета...» характеризует позицию повествователя во времени. «Точка зрения текста» находится в 1937 году:

«А случилась эта невеселая история в лето от рождения Вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от Рождества Христова в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год» [7, С. 628].

Лагерь, срок – это будущее автобиографического героя, «страшное», «жаркое» и «недоброе», о нем знает читатель и автор, но в сюжете произведения его еще нет, лишь констатация после развязки в финале романа.

Позиция повествователя меняется в послесловии «К историку», которое было найдено после смерти писателя в его черновиках, он выступает «свидетелем» на суде.

Большая часть «обвинительной речи» написана в рамках норм русского литературного языка с использованием экспрессивной лексики:

«Неужели, скажем, Молотов, Рыков, Ягода, Каганович — только нравственные уроды, морально-дефективные люди? Ведь нет же, нет. А ведь кроме кровавых и дымящихся ям они после себя ничего не оставили. Ни в памяти, ни в делах, ни в истории» [3, С. 696].

Обвинения с использованием жаргонизмов звучат в конце теста:

«И никакой тайны в их истерических самоговорах нет. Просто жить хотели. Вы что, не видели, как клянется и размазывает слезы и слюни трамвайная стервь и срань, когда ее прихватят, захомутают и потащат в отделение?! Но те хоть своим корешам нужны, а эти кому?»

Теперь последнее. Почему я одиннадцать лет сидел за этой толстой рукописью. Тут все очень просто — не написать ее я никак не мог. Мне была дана жизнью неповторимая возможность — я стал одним из сейчас уже не только частых свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры. Как же я могу отойти в сторону и скрыть то, что видел, что знаю, то, что передумал? Идет суд. Я обязан выступить на нем. А об ответственности, будьте уверены, я давно уже предупрежден» [4, С. 697-698].

Домбровский не просто «свидетельствует», он обвиняет. И не только как историк, интеллектуал, но и как бывший «зек». В тексте обвинения сосуществуют два стилистических пласта: нейтральная лексика, тяготеющая к профессиональной, юридической, и экспрессивная. Внутри экспрессивной выделяются жаргонизмы, пришедшие в речь из другого, некодифицированного мира. Возникает эффект стилистического «двоемирия».

В модели мира прозаических произведений и в ряде стихотворений Домбровского, в которых действие происходит в советское время, социальная жизнь делится на реальность лагеря и реальность вне его, персонажи либо уже вернулись из мест заключения, либо в перспективе их ожидает срок. При этом сюжетно-композиционное столкновение двух миров, как и прямое изображение лагеря, мы встречаем только в стихах писателя.

В основе сюжета стихотворения с симптоматичным названием «Меня убить хотели эти суки...» – драка лирического героя с уголовниками. Композиционно стихотворение делится на две части, в первой – собственно повествование о драке, которая происходит в лагере, во второй – описание мира, в который герой возвращается после освобождения:

Меня убить хотели эти суки, Но я принёс с рабочего двора Два новых наводстрённых топора. По всем законам лагерной науки Пришёл, врубил и сел на дровосек; Сижку, гляжу на них весёлым волком...

И вот таким я возвратился в мир, Который так причудливо раскрашен. Гляжу на вас, на тонких женицин ваших, На гениев в трактире, на трактир, На молчаливое седое зло, На мелкое добро грошовой сути, На то, как пьют, как заседают, крутят, И думаю: как мне не повезло! [5, С.161].

В оформлении пространства «за зоной» в стихах Домбровского жаргонизмы отсутствуют, при этом реальность жаргона – истинная, и этой реальности противопоставлен «причудливо раскрашенный», «грошовый» мир.

Функции жаргонизмов в прозаических текстах Домбровского усложняются. В рассказе «Ручка, ножка, огуречик...» главного героя – «писателя» – телефонными звонками пытаются запугать неизвестные. Собираясь с ними на встречу, он успокаивает свою знакомую:

«Это же трепачи, шпана, пьянь, простые пакостники. Они у нас на Севере пайки воровали, а мы их за это в сортирах топили. Не до смерти, а так, чтоб нахлебались. И поучить их я поучу сегодня... Суки позорные, трепачи...» [4, С. 86,89].

Последний рассказ Ю.Домбровского пресыщен уголовными жаргонизмами в основном в номинативной функции. Несмотря на то, что жаргон входит в реальность за пределами лагеря, концепция двоемирия сохраняется. Главный герой заявляет: Ты же знаешь, где я был, что видел, и какой жареный петух меня клевал в задницу» [6, С. 85].

При этом использование жаргона в пространстве «за лагерем» оказывается неестественным, по словам главного героя, звонившие ему с угрозами люди говорят по «шпаргалке». Идея несвободы человека в речи перерастает в понимание запрограммированности и заштампованности словесного творчества.

В финале рассказа, писатель, разыгравший свою смерть в собственном сознании по законам ранее созданного им романа, размышляет, подводит черту, выносит вердикт своим отношениям с собственным творением:

«А он, старый человек, инженер душ человеческих, как некогда выразился некто, тоскливо, с глубоким неуважением к себе подумал: "Какие же мы все-таки трусливые твари! Позвони нам так еще парочку раз, и мы от всех будем бегать. Те гады хорошо знают, что делают. Вот я расхрабрился, пошел к ним, вернулся гордый, ничего, мол, не боюсь, а потом всю дорогу издыхал от страха". Ему было так нехорошо, что он даже не знал, что сказать и что сделать... Да нет, ему даже уже не было стыдно, он просто весь болел и пылал, как открытая воспаленная рана. Боталы! Дешевки! Грошовое повидло, как говорили на Севере... Ручка, ножка, огуречик...

– Лекало, — сказал он вдруг громко и остановился, — чертово лекало» [6, С. 99].

Творчество оказывается тоже «шпаргалкой», по которой живет человек. А творец – «лекалом».

Тема взаимоотношений автора и его творения в рассказе «Ручка, ножка, огуречик» изначально заскрывается в самом общем виде, персонажи не имеют собственных имен, они – «Писатель» – «Актриса» – «Любитель». Дале тема творчества оформляется жаргонизмами, функции действующих лиц меняются. При этом синтаксические связи между именами отсутствуют: «боталы», «дешевки» и «грошовое повидло» — это и писатель-персонаж рассказа, и существующие в его сознании убийцы.

Заключение

Бриколажный по своей сути процесс переименования мира у Домбровского позволяет говорить о мифологическом сознании автора, в котором происходит актуализация древних дописьменных форм творчества [8]. Жаргонизмы у Домбровского это, помимо формы выражения экспрессии и способа речевого обособления от социума, – речевые петроглифы современного ему мира.

В критике часто приводится следующее высказывание Ю. Домбровского: «В лагерной прозе Шаламов первый, я – второй, Солженицын – третий», — цит. по: [11]. Сейчас можно только предполагать, что имел в виду Домбровский, выставляя эту иерархию. На наш взгляд, вполне допустимо интерпретировать эту фразу так: «В поисках новых форм существования литературы после Гулага...», и далее по тексту. Но в любом случае, это точка зрения Домбровского, а как на самом деле будет – покажет время.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ардамацкая Д. А. Философия «после ГУЛАГа»: осмысление исторической катастрофы / Д. А. Ардамацкая // *Studia Culturae*. — 2013. — № 16. — С. 256-264.
2. Бойко С.С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа / С.С. Бойко // *Новый филологический вестник*. — 2015. — №3/34. — С. 65-81
3. Васильева О. В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50-80-х годов / О. В. Васильева // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. — 1996. — Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). — С. 54-63.
4. Домбровский Ю. К историку / Ю. Домбровский // *Собрание сочинений: В 6 т.* — Т. 5. — М.: ТЕРРА, 1993. — С.694-698.
5. Домбровский Ю. Меня убить хотели эти суки / Ю. Домбровский // *Собрание сочинений: В 6 т.* — Т. 6. — М.: ТЕРРА, 1993. — С. 161.
6. Домбровский Ю. Ручка, ножка, огуречик / Ю. Домбровский // *Собрание сочинений в 6 т.* — Т. 3. — М.: «Терра». 1993. — С.82-100.
7. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей / Ю. Домбровский // *Собрание сочинений: В 6 т.* — Т. 5. — М. : ТЕРРА, 1993. — С.5-630.
8. Каблуков В.В. Человек постскриптного существования в рассказе Ю. Домбровского «Ручка ножка, огуречик» / В.В. Каблуков // *Современная наука: актуальные проблемы теории практики. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2023. — №3 – С.145-149.
9. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: автореф.... дис. канд. филол. Наук / Ю. В. Малова. — Саранск, 2003.
10. Старикова Л.С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика / Л.С. Старикова // *Вестник Кемеровского государственного университета*. — 2015. — №2 (62). — С.169-173.
11. Сиротинская И. П. — Мой друг Варлам Шаламов: [воспоминания, переписка]. — М., 2006. — С.6-167. — С. 23.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ardamačkaya D. A. Filosofiya «posle GULAGa»: osmyslenie istoricheskoy katastrofy [Philosophy "after the GULAG": Understanding the Historical Catastrophe] / D. A. Ardamačkaya // *Studia Culturae*. — 2013. — № 16. — P. 256-264 [in Russian].
2. Bojko S.S. «Lagernaya proza» kak etap formirovaniya literatury novogo tipa ["Camp Prose" as a Stage in the Formation of a New Type of Literature] / S.S. Bojko // *Novyj filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin]*. — 2015. — №3/34. — P. 65-81 [in Russian]
3. Vasil'eva O. V. Evolyuciya lagernoj temy i ee vliyanie na russkuyu literaturu 50-80-h godov [The Evolution of the Camp Theme and Its Influence on Russian Literature of the 50-80s] / O. V. Vasil'eva // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*. — 1996. — Ser. 2. Issue 4 (№ 23). — P. 54-63 [in Russian].
4. Dombrovskij YU. K istoriku [To the Historian] / YU. Dombrovskij // *Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 volumes*. — Vol. 5. — M.: TERRA, 1993. — P. 694-698 [in Russian].
5. Dombrovskij YU. Menya ubit' hoteli eti suki [These Bitches Wanted to Kill Me] / YU. Dombrovskij // *Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 volumes*. — Vol. 6. — M.: TERRA, 1993. —P. 161 [in Russian].
6. Dombrovskij YU. Ruchka, nozhka, ogurechik [Handle, Leg, Cucumber] / YU. Dombrovskij // *Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 volumes*. — Vol. 3. — M.: «Terra». 1993. — P. 82-100 [in Russian].
7. Dombrovskij YU. Fakul'tet nenuzhnyh veshchej [Faculty of Unnecessary Things] / YU. Dombrovskij // *Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 volumes*. — Vol. 5. — M. : TERRA, 1993. — P. 5-630 [in Russian].
8. Kablukov V.V. CHelovek postskriptnogo sushchestvovaniya v rasskaze YU. Dombrovskogo «Ruchka nozhka, ogurechik» [The Man of Postscript Existence in the Story of Yu . Dombrowski "Handle Leg, Cucumber"] / V.V. Kablukov //

Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"]. — 2023. — №3 — P. 145-149 [in Russian].

9. Malova YU. V. Stanovlenie i razvitie «lagernoj prozy» v russkoj literature XIX – XX vv. [Formation and Development of "Camp Prose" in Russian Literature of the XIX – XX Centuries]: abstract dis. of PhD in Philology / YU. V. Malova. — Saransk, 2003 [in Russian].

10. Starikova L.S. «Lagernaya proza» v kontekste russkoj literatury ХХ вeka: ponyatie, granicy, specifika ["Camp Prose" in the Context of Russian Literature of the Twentieth Century: Concept, Boundaries, Specifics] / L.S. Starikova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. — 2015. — №2 (62). —P. 169-173 [in Russian].

11. Sirotinskaya I. P. — Moj drug Varlam SHalamov: [vospominaniya, perepiska] [Cit. by: Sirotinskaya I. P. — My friend Varlam Shalamov: [memoirs, correspondence]]. — M., 2006. — P. 6-167. — P. 23 [in Russian].